

А $\frac{900}{413}$

КОМУ НАРОДУ

ВОЕННЫМ ДЕЙСТВУЮЩИМ

ЗАЩИТНИКАХЪ

СЕВАСТОПОЛЯ

къ 50-ти
ЛѢТНЕМУ

1854 г. ЮБИЛЕЮ 1904 г.

5 октября.

СОСТАВИЛЪ

Капитанъ Д. В. Мѣшковъ.

МОСКВА.

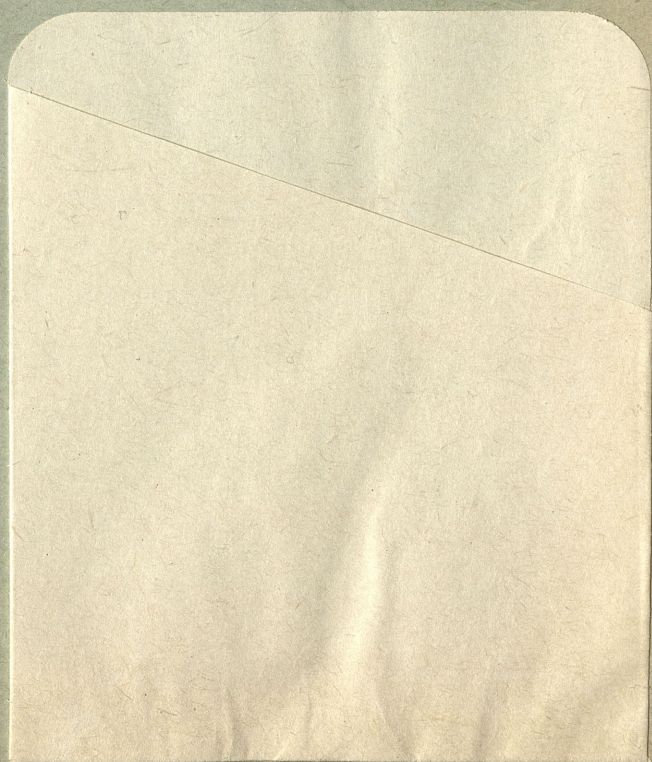
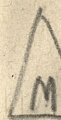
Типо-Литографія П. И. Пашова, Милотинскій пер., д. Арбатской.
1904.

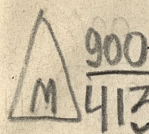
1853-1856.2.

6054

000

*Дорогому Другу Алексею Николаевичу
Семареву, отъ некраинолюбиваго
Дмитрия Ковалева*

 РУССКОМУ НАРОДУ

НЕЗАВЕННЫХЪ

ЗАЩИТНИКАХЪ

СЕВАСТОПОЛЯ

къ **50**-ти
лѣтнему

1854 г. **ЮБИЛЕЮ** 1904 г.

5 октября.

СОСТАВИЛЪ

Капитанъ Д. В. Мѣшковъ.

МОСКВА.

Типо-Литографія І. И. Пашова. Милютинскій пер., д. Арбатской.
1904.

Дозволено цензурой. Москва, 20 ноября 1903 г.

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина

12565-65

1500218754

Любезнымъ соотечественникамъ.

5-го октября 1904 года исполнится 50 лѣтъ, какъ наши дѣды и отцы проливали свою кровь на защиту родного города Севастополя и 11 мѣсяцевъ грудью своей отбивали сильнѣйшаго врага.

Эта славная, безпримѣрная защита показала всему міру, что можетъ сдѣлать русскій народъ. Эта защита прославила нашу родину, прославила нашихъ предковъ, давшихъ Государству такихъ солдатъ-богатырей и славныхъ защитниковъ чести земли русской, которые, проливая кровь свою, умирали, какъ первые христіанскіе мученики. Ихъ святой кровью вся земля упитана вокругъ Севастополя, гдѣ болѣе 80,000 лучшихъ сыновъ Россіи положили животъ свой за Вѣру, Царя и Отечество, и прахъ ихъ съ миромъ покоится въ братскихъ могилахъ.

Могилы эти для насъ—святыня; въ нихъ гордость, честь и слава отчизны нашей. Подъ ихъ холмами вокругъ своихъ любимцевъ отцовъ-командировъ—Нахимова, Корнилова, Истомина и Хрулева *) тѣсно сомкнули ряды свои безпримѣрные храбрецы, герои-мученики, богатыри Севастополя, христоробивые войны,

---

*) Хрулевъ умеръ 22 мая 1870 г., но похороненъ въ Севастополь на братскомъ кладбищѣ.

прославившіе имена свои на времена вѣчныя... Вѣчная память воинамъ-благодѣтелямъ! Они завоевали для насъ русскихъ славу, которой мы теперь и гордимся... Да мы и должны ею гордиться, но въ то-же время нужно помнить, что эта слава куплена кровью нашихъ предковъ, а потому она должна быть слишкомъ дорога и священна для каждаго истинно русскаго человѣка, который обязанъ свято оберегать эту славу въ преданіяхъ, чтобы и потомство наше поучалось въ ней, какъ надо исполнять свой долгъ для блага родины своей.

Отцы и матери! читайте и рассказывайте вашимъ дѣтямъ о великихъ подвигахъ Севастопольскихъ богатырей; научите дѣтей своихъ любить и уважать имена Нахимова, Корнилова, Истомина и Хрулева; повѣдайте дѣтямъ своимъ, что не только офицеры и солдаты, но даже женщины и дѣти жертвовали жизнью своею для защиты земли родной.

В давнихъ временъ во власти турокъ находится городъ Іерусалимъ, гдѣ, какъ извѣстно каждому, Господь Іисусъ Христосъ нашъ страдалъ за насъ, былъ распятъ и погребенъ.

На поклоненіе гробу Господню стекаются христіане со всѣхъ концовъ міра: туда приходятъ и православные, и католики, и лютеране.

Турецкій султанъ сталъ притѣснять православныхъ христіанъ, а католикамъ и лютеранамъ далъ больше правъ и свободы. Узналъ объ этомъ нашъ Царь и потребовалъ отъ султана, чтобы онъ нашихъ не обижалъ и чтобы они были на равныхъ правахъ со всѣми, но султанъ турецкій не исполнилъ царскаго требованія, и тогда Императоръ Николай Павловичъ объявилъ Турціи войну.

За Турцію вступились французы и англичане, которые завидовали нашему могуществу. Такимъ образомъ, противъ Россіи вооружились три государства: Турція, Франція и Англія, которыя отправили свои корабли во всѣ наши моря, а въ Черномъ морѣ къ нашему берегу пристали 300 кораблей съ 65000 войска.

Пѣснь о Севастополѣ.

Не веселую, братцы, вамъ пѣсню спою,
Не могучую пѣсню побѣды,
Что пѣвали отцы въ Бородинскомъ бою,
Что пѣвали въ Очаковѣ дѣды.

Я спою вамъ о томъ, какъ отъ южныхъ полей
Поднималось облако пыли,
Какъ сходили враги безъ числа съ кораблей
И пришли къ намъ, и насъ побѣдили.

А и такъ побѣдили, что долго потомъ
Не совались къ намъ съ дерзкимъ вопросомъ,
А и такъ побѣдили, что съ кислымъ лицомъ
И съ разбитымъ отчалили носомъ.

Я спою, какъ, покинувъ и домъ, и семью,
Шель въ дружину помѣщикъ богатый,
Какъ мужикъ, обнимая бабенку свою,
Выходилъ ополченцемъ изъ хаты.

Я спою, какъ росла богатырская рать,
Шли бойцы изъ желѣза и стали,—
И какъ знали они, что **идутъ умирать,**
И какъ свято они умирали!

Какъ красавицы наши сидѣлками шли
Къ безотрадному ихъ изголовью,

Какъ за каждый клочекъ нашей русской земли
Намъ платили враги своей кровью;

Какъ подь грохотъ гранатъ, какъ сквозь пламя и
дымъ,

Подъ немолчные, тяжкіе стоны
Выходили редуты одинъ за другимъ,
Грозной тѣнью росли бастіоны,—

И одиннадцать мѣсяцевъ длилась рѣзня,
И одиннадцать мѣсяцевъ цѣлыхъ
Чудотворная крѣпость, Россію храня,
Хоронила сыновъ ея смѣлыхъ...

Пусть не радостна пѣсня, что вамъ я пою,
Да не хуже той пѣсни побѣды,
Что пѣвали отцы въ Бородинскомъ бою,
Что пѣвали въ Очаковѣ дѣды.

Апухтинъ.

НА РАЗСВѢТѢ 2-го сентября 1854 г. непріятельскіе корабли подошли къ гор. Евпаторіи, а къ вечеру того-же дня французскія, турецкія и англійскія войска высадились на берегъ и расположились лагеремъ въ 60-ти верстахъ отъ гор. Севастополя.

Наша 35-ти тысячная армія подъ начальствомъ князя Меншикова находилась въ это время на лѣвомъ берегу рѣки Альмы, которая впадаетъ въ Черное море.

Утромъ 8-го сентября непріятельскіе корабли подошли къ устью р. Альмы и стали стрѣлять изъ большихъ морскихъ пушекъ вдоль линіи нашихъ войскъ, а около 11 час. утра французы и турки перешли въ бродъ рѣку Альму около Чернаго моря и двинулись на насъ съ лѣвой стороны, а англичане стали надвигаться спереди.

Наши солдаты, какъ только замѣтили непріятели, открыли по немъ ружейный огонь; но ружья у насъ въ то время были очень плохи и стрѣлять изъ нихъ можно было всего только на 200 шаговъ, тогда какъ непріятель стрѣлялъ изъ своихъ почти на версту. Видя, что пульей врага не достанешь, наши солдаты подпустили его къ себѣ поближе и бросились въ штыки, на „ура“, чтобы сразу покончить съ нимъ начистоту.

Но не все такъ дѣлается, какъ хочешь. Такъ вышло и здѣсь. Наши впередъ на „ура“, а англичане — назадъ. Отойдутъ, примѣрно, шаговъ на 300 или 400 и начнутъ опять изъ своихъ ружей разстрѣливать нашихъ, что называется, на выборъ и норовятъ все больше въ начальство.

И выходитъ, что непріятель насъ пулей, а мы его штыкомъ; да только, пока штыкомъ-то его достанешь, онъ въ это время успѣваетъ много нашихъ пулей уложить.

Но за то, когда англичане расхрабрились-было и бросились на нашу батарею (пушки), то наши Казанцы и въ особенности Владимірцы задали имъ такую трепку, что если-бы не французы съ турками, которые обошли нашихъ съ лѣвой стороны, то побѣда, быть можетъ, осталась-бы за нами. А вся бѣда была въ томъ, что князь Меншиковъ понадѣялся, что съ лѣвой стороны насъ нельзя обойти, такъ какъ тамъ берегъ очень крутой, скалистый и болѣе 50 сажень вышины, а вышло, что французы съ турками ухитрились все-таки взобраться на нашу сторону и ударили на насъ съ лѣвой стороны.

Стало быть, спереди стрѣляютъ англичане, съ боку обходятъ французы съ турками, а съ моря палятъ безъумолку пушки.

Вотъ тутъ-то князь Меншиковъ увидѣлъ свою ошибку и приказалъ нашимъ войскамъ отступать къ Севастополю.

Не смотря на ошибку нашего главнокомандующаго и не смотря на то, что у насъ было войска вдвое меньше, чѣмъ у непріятеля, наши офицеры и солдаты дрались до 4½ ч. дня, какъ львы, по-Суворовски—одинъ противъ двухъ, и всё легли-бы до одинаго, если-бы только князь Меншиковъ не приказалъ имъ отступить.

Въ этомъ сраженіи у насъ было убитыхъ и раненыхъ 4600 чел., а у непріятеля 3500 чел.

Все поле было усѣяно тѣлами убитыхъ солдатъ нашихъ и непріятельскихъ; тысячи раненыхъ страдали отъ боли, мучились жаждой и нуждались въ помощи.

Никто въ этотъ день не оказалъ раненымъ столько помощи, какъ наша первая сестра милосердія Даша.

Даша была круглая сирота, дочь матроса, убитаго за годъ въ морскомъ сраженіи при гор. Синопѣ.

Проживала Даша въ г. Севастополѣ и кормилась поденной работой и рукодѣліемъ. Много она наслышалась отъ матросовъ разсказовъ объ ужасахъ войны и о страданіяхъ раненыхъ. Когда-же прошелъ слухъ о новой войнѣ, самъ Господь Богъ внушилъ сироткѣ итти на доброе дѣло—ухаживать за ранеными.

Стали наши войска готовиться въ походъ, готовилась тайкомъ къ походу и наша Дарьюшка. Ей было въ то время 15 лѣтъ. Наготовила она тряпочекъ, корпѣи и другихъ припасовъ лазаретныхъ, продала свою избушку, купила плохенькую лошаденку, небольшой боченокъ вина и старое матросское платье. Когда-же было назначено выступленіе войска въ походъ, обрѣзала Даша свою косу русую, одѣлась въ матросское платье, навьючила всѣ свои припасы на лошадь и пошла за войскомъ. Конечно, никто не догадывался, кто этотъ матросъ и на какое святое дѣло онъ идетъ.

Какъ только началось 8 сентября сраженіе, Даша привязала въ кустахъ свою лошадку и начала собирать къ себѣ раненыхъ: кого подтащить, кто самъ подползетъ, а кого и на носилкахъ принесутъ. И начала Даша усердно промывать и перевязывать раны и виномъ подкрѣплять изнуренныхъ солдатъ. А раненыхъ все несутъ и несутъ... Лежатъ страдальцы на землѣ, дожидаясь помощи отъ Даши. Даша-же работаетъ безъ устали, не жалѣя силъ своихъ, и только изрѣдка выпрямится, чтобы вздохнуть свободнѣе.

— Ангелъ ты нашъ небесный,—говорили ей раненые и благословляли ее за ея святое дѣло.

Послѣ сраженія на рѣкѣ Альмѣ Даша продолжала ухаживать за ранеными и въ Севастополѣ.

Государь, узнавъ о подвигѣ этой дѣвушки, прислалъ ей золотую медаль, а Государыня золотой крестъ съ надписью „Севастополь“, а послѣ войны, когда Даша вышла замужъ за отставного матроса, Государыня выслала ей тысячу рублей на приданое.

ПОСЛѣ неудачнаго сраженія наша армія подошла къ Севастополю, а 11-го сентября двинулась къ гор. Бахчисараю, чтобы не дать неприятелю занять дорогу, по которой подвозили въ Севастополь съѣстные и боевые припасы.

Городъ Севастополь находится на берегу Чернаго моря, и въ самомъ городѣ есть морской заливъ. Въ заливѣ этомъ въ то время у насъ было всего на всего 12 кораблей, неприятель же имѣлъ кораблей много больше нашего, а потому намъ нельзя было сразиться съ нимъ въ морѣ: онъ потопилъ - бы наши корабли, вошелъ-бы въ городской заливъ и разрушилъ-бы городъ изъ своихъ морскихъ пушекъ. А чтобы неприятельскіе корабли не могли войти въ бухту (городской заливъ), князь Меншиковъ приказалъ адмиралу Корнилову затопить при входѣ въ бухту пять нашихъ старыхъ кораблей. Грустно [и больно было нашимъ морякамъ собственными руками топить свои корабли... Не одна горькая слеза скатилась съ рѣсницъ старыхъ матросовъ... Многіе изъ нихъ плакали навзрыдъ и тутъ-же поклялись защищать Севастополь до послѣдней капли крови.

Начальство надъ всѣми матросами и солдатами, которые были въ городѣ, принялъ на себя адмиралъ Владиміръ Алексѣевичъ Корниловъ.

Такъ какъ съ моря непріятель уже не могъ войти въ городъ, а могъ только войти съ суши, то адмиралъ Корниловъ приказалъ строить вокругъ города бастіоны (земляныя укрѣпленія) и вооружать ихъ пушками съ потопленныхъ кораблей.

Закипѣла трудная земляная работа. Землю подвозили въ телѣгахъ, въ тачкахъ, несли на носилкахъ, а женщины и дѣти подносили ее прямо въ подолахъ. Болѣе семи тысячъ человѣкъ и днемъ, и ночью трудились надъ устройствомъ укрѣпленій. Сколько ни было въ городѣ лошадей, телѣгъ, лопатъ, заступовъ, все было въ работѣ. Одно укрѣпленіе цѣликомъ было выстроено женщинами. Укрѣпленія строили также и арестанты, выпущенные на свободу.

Всѣми этими работами распоряжались наши знаменитые адмиралы: Нахимовъ, Корниловъ, Истомина и полковникъ Тотлебенъ. Начальники эти, не жалѣя силъ своихъ, все время проводили на работахъ и, благодаря ихъ заботамъ, онѣ быстро шли впередъ, и къ концу сентября вокругъ города на протяженіи 7 верстъ были готовы различныя укрѣпленія, которыя назывались бастіонами, редутами и траншеями.

Когда все было готово, духовенство съ хоругвями и образами совершило крестный ходъ, и на каждомъ бастіонѣ были отслужены молебны.

— Пускай прежде напомнятъ войскамъ слово Божіе—говорилъ Корниловъ,—а потомъ я передамъ имъ слово Царское.

Когда-же окончились молебны, Корниловъ, объѣзжая укрѣпленія, обращался къ солдатамъ со словами:

— Ребята! Царь надѣется, что мы отстоимъ Севастополь. Тотъ измѣнникъ, кто прикажетъ отступить, и, если я прикажу, то коли меня!

— Умремъ до единого! не сдадимъ Севастополя!— дружно отвѣчали матросы и солдаты.

Пока строились у насъ укрѣпленія, непріятель подошелъ къ Севастополю и противъ нашихъ укрѣпленій верстахъ въ двухъ сталъ строить свои и вооружать ихъ большими орудіями (пушками), а корабли его остановились противъ города верстахъ въ десяти.

И такъ весь сентябрь прошелъ какъ у насъ, такъ и у непріятели въ устройствѣ укрѣпленій и въ приготовленіяхъ къ бою.

И получаса бой не длился,
Какъ на четвертый бастионъ
Корниловъ съ свитою явился.
Кругомъ него и смерть, и стонъ,
А онъ, опасность презирая,
Войскамъ духъ мужества внушалъ
И постоять имъ обѣщалъ
За уголокъ родного края.
Тутъ все устроивъ, къ осажден-
нымъ

На пятый бастионъ спѣшилъ,
Гдѣ ужъ съ лицомъ окровавлен-
нымъ

Нахимовъ пушки наводилъ.
Здѣсь въ смертномъ, адскомъ ура-
ганѣ,

Вожди сошлись въ послѣдній разъ,
Тамъ на Малаховомъ курганѣ
Ужъ одного былъ близокъ часъ!

Коссинскій. ¹⁸

На разсвѣтѣ 5-го октября русскія батареи открыли огонь, а въ 7 ч. утра загремѣли все орудія, и

наши, и непріятельскія. Черезъ нѣсколько минутъ вся окрестность Севастополя была въ дыму; болѣе 2000 орудій безумолку грохотали вплоть до поздняго вечера; земля тряслась отъ ихъ рева на нѣсколько верстъ; густой пороховой дымъ подымался все выше и выше; солнце среди бѣлаго дня было похоже на блѣдный мѣсяцъ; становилось все темнѣе и темнѣе; ядра и бомбы тысячами летали и, лопаясь на множество осколковъ, сотнями убивали солдатъ. Кажется, насталъ день страшнаго суда. Полилась кровь отцовъ и дѣдовъ нашихъ, полилась кровь защитниковъ чести земли русской! Всюду валялись тѣла убитыхъ, и тысячи раненыхъ съ христіанскимъ терпѣніемъ ожидали себѣ помощи. Женщины и дѣти безъ устали подавали имъ пить воду, между тѣмъ какъ арестанты относили ихъ на носилкахъ въ городъ, гдѣ были устроены больницы.

Цѣлый день безъ перерыва гремѣли пушки. Стрѣльба была до того частая, что орудія раскалялись, и наши солдаты то и дѣло поливали ихъ водой, чтобы они не лопнули.

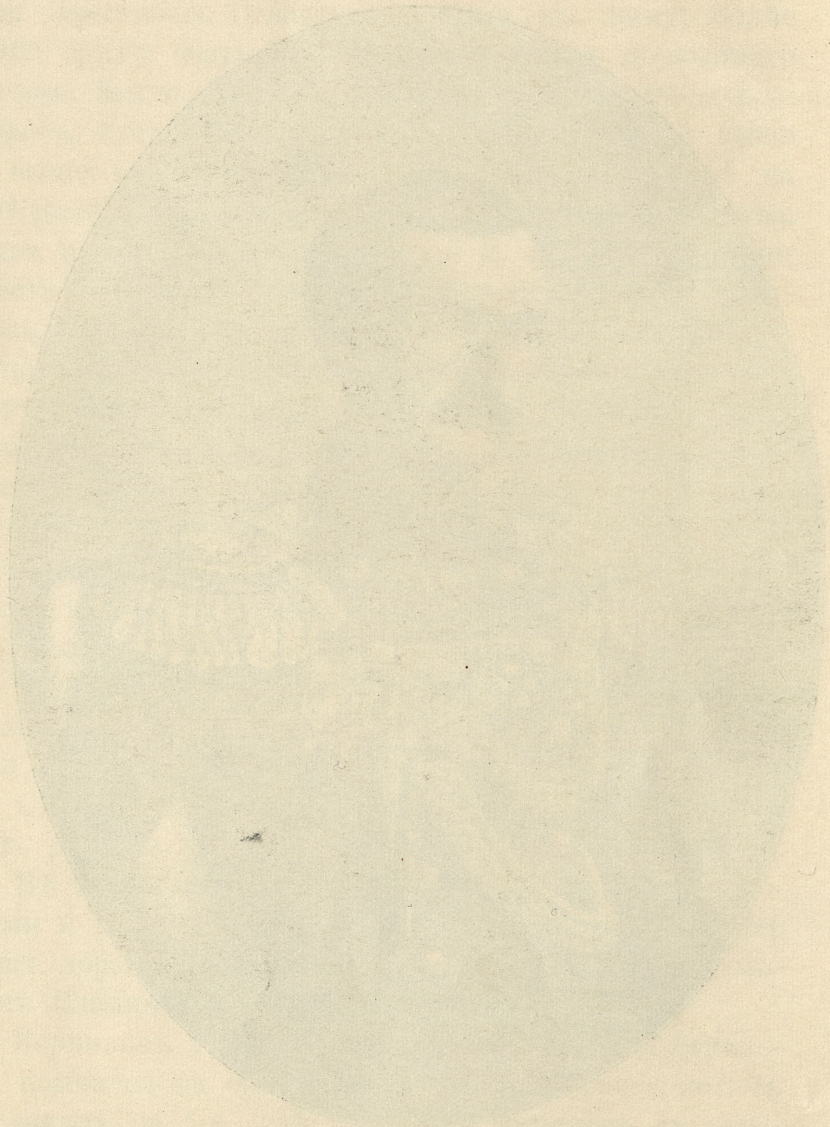
Съ наступленіемъ сумерокъ непріятель сталъ стрѣлять рѣже, а къ ночи всѣ батареи совсѣмъ умолкли.

Въ этотъ день мы потеряли 1258 человекъ убитыми и ранеными. Въ этотъ же день былъ убитъ нашъ дорогой, незабвенный, всѣми любимый адмиралъ Владиміръ Алексѣевичъ Корниловъ.

Корниловъ утормъ, какъ только началась стрѣльба, помчался на своемъ конѣ на 4-й бастіонъ, потомъ поскакалъ на 5-й, гдѣ адмиралъ Нахимовъ съ окровавленнымъ лицомъ помогать матросамъ нацѣливать орудія.

ВЛАДИМИРЪ АЛЕКСЪЕВИЧЪ КОРНИЛОВЪ.

— Вы ранены, Павелъ Степановичъ? — спросилъ Корниловъ.

— Ничего - съ! слишкомъ мало - съ! отвѣчалъ Нахимовъ и продолжалъ наводить орудіе.

Съ пятаго бастіона Корниловъ поѣхалъ на третій бастіонъ, а потомъ на Малаховъ курганъ (это самое большое наше укрѣпленіе).

Гдѣ только ни появлялся нашъ любимый начальникъ, всюду офицеры и солдаты встрѣчали его крикомъ „ура“ и умоляли его побережь себя, обѣщая свято исполнить свой долгъ.

— Спасибо вамъ, братцы! не время теперь думать о безопасности! мы всѣ должны здѣсь умереть! — говорилъ Владиміръ Алексѣевичъ.

Приѣхавъ на Малаховъ курганъ, Корниловъ слѣзъ съ лошади и подошелъ къ башнѣ, чтобы лучше разсмотрѣть, что дѣлается у непріятеля.

— Здѣсь очень опасное мѣсто! — рѣшился сказать кто - то Корнилову.

— Не время теперь думать объ опасности! — повторилъ опять Корниловъ, и въ эту самую минуту непріятельское ядро ударило ему въ лѣвую ногу около живота. Обливаясь кровью, Владиміръ Алексѣевичъ упалъ на землю и громко сказалъ: „Отстаивайте - же, братцы, Севастополь“, а потомъ уже въ больницѣ, умирая, онъ тихо проговорилъ: „Господи, благослови Россію, Царя, спаси Севастополь!“ и... скончался.

Въ этотъ - же день весь городъ узналъ о смерти Корнилова, и много слезъ было пролито о любимомъ начальникѣ.

Пронзенъ ядромъ въ пылу сраженья
Корниловъ мертвъ въ гробу лежитъ...
На всей Руси благословенье
И въ міръ иной за нимъ летить.
Еще при грозномъ Наваринѣ
Онъ украшенъемъ флота былъ;
Поборникъ правды и святыни,
Враговъ отечества громилъ
И Севастополь величавый
Надежнѣй стѣнъ берегалъ...
Но смерть поспорила со славой
И вѣрный сынъ Россіи палъ,
За славу, честь родного края,
Какъ древній Грекъ, онъ гордо палъ
И, все земное покидая,
Онъ имя родины призвалъ,
Но у безсмертія порога
Онъ, вѣрой пламенной горя,
Какъ христіанинъ, вспомнилъ Бога,
Какъ вѣрноподданный—Царя!
О, пусть же Ангель свѣтозарный
Твою могилу осѣнитъ,
И гимнъ Россіи благодарной
На ней немолчно зазвучитъ!

Апухтинъ.

На мѣсто покойнаго Владиміра Алексѣевича
былъ назначенъ адмиралъ Нахимовъ, котораго
матросы любили не менѣе Корнилова и ко-
торого вскорѣ крѣпко полюбили всѣ защитни-
ки Севастополя за его доброту, заботливость и храбрость.

На другой день, 6-го октября, съ ранняго утра, непріятель опять сталъ обстрѣливать наши укрѣпленія и, не переставая, стрѣлялъ цѣлую недѣлю.

Хотя непріятеля было вдвое больше, чѣмъ насъ, но онъ все-таки боялся итти на насъ прямо въ штыки (на штурмъ), а сначала хотѣлъ своими пушками разрушить наши укрѣпленія и потомъ уже броситься на насъ. Но какъ онъ ни старался разрушить укрѣпленія, наши матросы и солдаты за ночь успѣвали ихъ исправлять.

Видитъ непріятель, что нашего брата такъ не одолѣешь, и сталъ онъ къ намъ медленно подходить, но подходить-то сталъ хитро очень: начнетъ ночью, бывало, рыть канавы, да наискось то вправо, то влево, чтобы его въ канавѣ-то не было видно, а потомъ станетъ подвозить по канавѣ свои пушки и строить для нихъ новыя укрѣпленія, уже ближе къ намъ; потомъ изъ новыхъ укрѣпленій опять начнетъ рыть канавы и опять строить укрѣпленія и все ближе, и ближе къ намъ.

Но наши молодцы тоже не дремали и, какъ только замѣтили хитрость непріятеля, рѣшили мѣшать ему строить новыя укрѣпленія, а для этого почти каждую ночь человекъ 50—100 нашихъ солдатъ выползутъ, бывало, изъ своего укрѣпленія, подкрадутся незамѣтно къ французамъ или къ англичанамъ, да съ крикомъ „ура“ и бросятся къ нимъ въ штыки, а пока идетъ рукопашная свалка, наши рабочіе засыпаютъ канавы.

На эти ночныя вылазки у насъ всегда было много охотниковъ, о которыхъ разсказъ будетъ позднѣе, а теперь посмотримъ, какъ жили на бастіонахъ наши защитники.

Офицеры и солдаты жили на бастіонахъ въ землянкахъ, которыя назывались блиндажами. Блиндажи строились такъ: вырывалась яма въ 3 аршина глубины и аршинъ 7 длины; сверхъ ямы настился накатъ изъ толстыхъ бревенъ, а чтобы непріятельскія бомбы не могли пробить наката, на него насыпался толстый слой земли.

Въ каждомъ блиндажѣ были устроены нары, и висѣлъ образъ, передъ которымъ постоянно горѣли восковыя свѣчки.

Кромѣ блиндажей, на бастіонахъ были устроены особыя помѣщенія подъ названіемъ „Мертвецкіе уголки“ для покойниковъ, которыхъ клали на землю въ два или три ряда, и у каждого покойника была въ правой рукѣ восковая свѣча. Каждый день рано утромъ или поздно вечеромъ изъ города пріѣзжали на бастіоны въ телѣгахъ за покойниками и отвозили ихъ на кладбище. Для могилъ копались огромныя ямы на 30 или 50 покойниковъ и назывались онѣ „братскими могилами“.

Жизнь на бастіонахъ была тяжелая, но наши солдаты не унывали и свободное время проводили въ своихъ землянкахъ разно: кто, смѣнившись съ дежурства, отдыхалъ, кто чинилъ свое платье, кто книгу читалъ, кто въ карты игралъ, а кто и гармоникой забавлялся; дежурные же стоятъ на верху у пушекъ и перестрѣливаются съ непріятелемъ, а другіе дежурные, подъ названіемъ сигнальщики, слѣдятъ, куда летятъ непріятельскія бомбы, и покрикиваютъ: „Берегись! бомба налѣво!“ или „берегись! бомба наша!“ и этими криками предупреждаютъ товарищей объ опасности. Но солдаты наши такъ привыкли ко

всѣмъ опасностямъ, что зачастую не обращали никакого вниманія на крикъ сигнальщика.

— Ежели отъ каждой бомбы отворачиваться,—говорили солдаты,—такъ тогда и лба некогда перекрестить. — А другой скажетъ: — отъ своей смерти не уйдешь, на все воля Божья, — и начнетъ покуривать свою трубочку.

Пищу приносили солдатамъ изъ города изъ артельныхъ котловъ. Принесутъ, бывало, на бастионъ щи и кашу, разсядутся наши молодцы вокругъ котла и приступятъ къ обѣду... Вдругъ непріятельская бомба шлепнется на землю, начнетъ шипѣть, кружиться и вотъ-вотъ, того гляди, сейчасъ лопнетъ... А тутъ, бывало, найдется удалецъ, который схватитъ ее да и броситъ въ котель со щами—она тамъ и затухнетъ. Потомъ вытащитъ ее черпакомъ и выброситъ изъ укрѣпленія, приговаривая: „попробовала русскихъ щей и ладно, ступай теперь во-свояси!“.

Самое тревожное время для солдатъ было ночью, такъ какъ по ночамъ всегда ожидали нападенія непріятеля, и люди никогда не спали, а были каждую минуту наготовѣ встрѣтить врага штыкомъ. Кромѣ того, каждую ночь изъ нашихъ укрѣпленій высылались впередъ пластуны, которые, пробравшись незамѣтно къ сторонѣ непріятеля, залегали въ какомъ-нибудь укрытомъ мѣстѣ, прислушивались, что дѣлается у непріятеля, и обо всемъ давали знать нашимъ.

Пластуны—это черноморскіе пѣшіе казаки, народъ самый отчаянный, смѣтливый и увертливый. Стрѣляютъ они безъ промаха, а про храбрость ихъ всего и не перескажешь. Не даромъ солдаты прозвали пластуновъ „отпѣтыми“.

Разляжется, бывало, пластунъ спать на самомъ

открытомъ и опасномъ мѣстѣ. Увидятъ его солдаты, думаютъ: заболѣлъ, вѣрно, сердечный, и стануть его будить, чтобы онъ пошелъ спать въ землянку.

— Пользайте сами въ яму, а мнѣ и тутъ хорошо!— сердито отвѣтитъ пластунъ да еще обругается.

И вотъ эти-то молодцы, какъ только станеть смеркаться, поползутъ съ кинжалами въ зубахъ къ непріятельской сторонѣ. Ползутъ, бывало, какъ змѣи: не кашлянуть, не стукнуть, сучка не переломать и залягутъ, какъ зайцы, въ кустахъ или ямахъ; лежать всю ночь, какъ мертвые, и прислушиваются, не идетъ-ли непріятель, а какъ только замѣтятъ приближеніе его, то сейчасъ-же даютъ знать на наши укрѣпленія, чтобы предупредить своихъ объ опасности. Съ наступленіемъ же разсвѣта пластуны возвращаются обратно въ свои укрѣпленія.

Кромѣ пластуновъ, на эти ночныя вылазки у насъ было много охотниковъ среди солдатъ и матросовъ. Изъ нихъ особенно отличался своими продѣлками одинъ матросъ, по прозванію Кошка. Настоящаго имени его никто не помнитъ, а прозвище свое онъ получилъ за свою кошачью ловкость.

Много слышался онъ разсказовъ о пластунахъ и захотѣлось ему показать товарищамъ свою удалъ. Видитъ разъ онъ, что непріятель роетъ траншею (канаву); дождался, когда рабочіе ушли обѣдать; прокрался къ траншеѣ да и обобралъ всѣ рабочіе инструменты.

Другой разъ—сидѣли какъ-то матросы и играли въ карты; захотѣлось имъ выпить, а денегъ-то не хватило.

— А вотъ что,—сказалъ Кошка,—призайму-ка я у англичанина на бутылочку!

— Полно вздоръ-то молоть!—усмѣхнулись ему товарищи.

Ничего не отвѣтилъ имъ на это Кошка, а какъ только стемнѣло, поползъ онъ къ непріятельскому лагерю. Ползеть и крадется, какъ настоящая кошка. Доползъ до англійскаго укрѣпленія, перелѣзъ ровъ и взобрался на валь; видитъ, стоитъ большая пушка, и около нея часовой дремлетъ. Вынулъ Кошка ножъ, подкрался къ часовому да и хватилъ его прямо въ сердце. Свалился англичанинъ и не охнулъ даже. Сталъ Кошка обыскивать убитаго и какъ разъ нашелъ у него кошелекъ съ деньгами и часы. Забравъ свою добычу, нашъ матросъ поползъ уже домой, какъ вдругъ наткнулся на барабанъ и вздумалось ему подшутить надъ ненрїателемъ. Взялъ онъ барабанъ, подошелъ къ самому краю укрѣпленія, забилъ тревогу, потомъ кувырнулся въ ровъ, да и былъ таковъ.

Пошли разъ наши солдаты на ночную вылазку и послѣ рукопашной схватки, отколотивши англичанъ, стали подбирать убитыхъ своихъ товарищей, но въ темнотѣ никакъ не могли найти одного. На другой день видятъ они, что англичане выставили на своемъ укрѣпленіи трупъ нашего солдата подъ наши-же пули. Обидно и больно было нашимъ видѣть своего товарища, выставленнаго подъ наши-же пули на разстрѣлъ, а матросъ Кошка, не долго думая, рѣшилъ, во чтобы то ни стало, взять у англичанъ трупъ товарища и похоронить его со своими. И вотъ ночью онъ опять подползъ къ непріятелю, поднялся на укрѣпленіе и на глазахъ англичанъ, быстро схвативъ трупъ, скатился съ нимъ въ ровъ, а потомъ взвалилъ его на спину и понесъ домой. Ахнули англичане на смѣль-

чака и принялись въ него стрѣлять. Засвистѣли пули вокругъ Кошки, а онъ себѣ шагаетъ да шагаетъ съ своей тяжелой ношей. Донесъ до укрѣпленія, а тутъ помогли ему товарищи, которые увидѣли потомъ, что въ трупъ попало шесть пуль. Кошка же опять остался цѣль и невредимъ.

Въ концѣ октября французы приблизили свои укрѣпленія къ 4-му бастіону на 125 сажень и выставили противъ него 74 орудія. Съ такого близкаго разстоянія непріятельскія ядра и бомбы сыпались градомъ не только на наши укрѣпленія, но и на самый городъ, гдѣ пробивали крыши домовъ, убивали женщинъ и дѣтей и производили большіе пожары. Всюду можно было видѣть убитыхъ и раненыхъ, которые переносили свои страданія съ необыкновеннымъ христіанскимъ терпѣніемъ.

Вотъ какъ рассказываетъ объ этомъ одна изъ сестеръ милосердія:—Помню я одного солдатика, у котораго вся рука была раздроблена, а когда я хотѣла усадить его и сдѣлать перевязку, онъ мнѣ отвѣтилъ: „я могу и постоять, а вотъ есть раненые въ ноги, тѣмъ ужъ надо сѣсть“.

— Помню еще другой случай,—разсказывала она:—былъ солдатъ легко раненъ и пришелъ только перевязаться, но вижу я, что онъ выбился изъ силъ, а потому стала его уговаривать остаться отдохнуть. — Нѣтъ, этого нельзя,—отвѣчалъ онъ мнѣ,—ужъ насъ, старыхъ солдатъ, мало осталось, а молодые могутъ оторопѣть—и пошелъ опять въ бой.

Или такой был еще случай.

Идетъ солдатъ, офицеръ его спрашиваетъ:

— Куда ты идешь?

— Раненъ, Ваше Благородіе,—отвѣчалъ солдатъ.

— Куда же ты раненъ и чѣмъ?

— Сюда-то, должно пулей—сказалъ солдатъ, указывая на руку,—а ужъ чѣмъ огрѣло голову, я и самъ не знаю.

— За чѣмъ же у тебя два ружья?—спросилъ тогда офицеръ.

— Одно-то мое, Ваше Благородіе, а другое я отнялъ у француза. Да я бы и еще могъ съ нимъ подраться, да надо было проводить мнѣ вотъ этого солдата, ногу-то ему очень бомбой ошпарило, пожалуй, одинъ не дойдетъ—и онъ указалъ на солдата, который шель впереди, опираясь на ружье и съ трудомъ волоча лѣвую ногу.

Несутъ разъ на носилкахъ матроса. Онъ сидитъ и поддерживаетъ одной рукой другую, которая перебита около плеча. Кровь лилась изъ раны.

— Земляки, стой! здѣсь пѣхота!—сказалъ онъ носильщикамъ. Носильщики остановились.

— Дайте, братцы, трубочку!.. смерть захлестнуться хочется!.. Въ душѣ больно горитъ,—обратился онъ къ пѣхотнымъ солдатамъ. Наши солдаты подбѣжали къ раненому матросу и дали ему трубку, а матросъ опустилъ раненую руку на колѣно, здоровой взялъ трубку, раза четыре затянулся махоркой, а потомъ сказалъ:— Спасибо вамъ, братцы, добрые ребята!.. Прощайте, теперь пора къ дохтуру!.. А вы, товарищи, тащите меня поскорѣе,—обратился онъ къ носильщикамъ,—а то что-то въ затылкѣ постукиваетъ да въ глазахъ четвертится.

Черезъ часъ носильщики возвращались мимо солдатъ, которые угощали раненаго трубкой.

— Что, живъ-ли матросъ-то?—спросили солдаты у носильщиковъ.

— Нѣтъ, умеръ дорогой,—быль отвѣтъ.

— Царствіе ему небесное—проговорили, крестясь, солдаты.

Случалось, что во время самой горячей перестрѣлки женщины и дѣти приходили на укрѣпленіе съ какой либо ѣдой для своихъ родныхъ и оставались тамъ имъ помогать: подносили порохъ, бомбы или перевязывали раненыхъ, да зачастую и сами бывали тамъ убиты или ранены.

Нѣкоторыя дѣти постоянно даже жили на бастіонахъ. Приходитъ разъ на 4-й бастіонъ 14-лѣтній мальчикъ, сынъ матроса, Кузьма Горбаневъ, и просится у командира служить при пушкѣ.

— Куда тебѣ служить? Ты мѣшать только будешь!—сказалъ командиръ.

— Никакъ нѣтъ, Ваше Благородіе, намъ, матросамъ, дѣло это знакомо, мы всегда были при пушкахъ!

— А если тебя убьютъ?

— Богъ милостивъ! а ежели и убьютъ, на то воля Божья!—отвѣтилъ мальчикъ.

Кузьма Горбаневъ былъ принятъ на бастіонъ и сталъ ловкимъ помощникомъ для матросовъ. Потомъ онъ былъ раненъ и послѣ перевязки вернулся опять на укрѣпленіе.

Другой 12-лѣтній сынъ матроса тоже былъ принятъ на укрѣпленіе, гдѣ съ усердіемъ помогалъ солдатамъ.

Оба эти мальчика были награждены георгиевскими медалями.

На 5-мъ бастионѣ 10-лѣтній сынъ артиллериста помогаль отцу нацѣливать пушку, а когда отецъ его былъ убитъ, то онъ занялъ его мѣсто и продолжалъ наводить пушку одинъ. Звали этого мальчика Николай Пашенко, и онъ былъ награжденъ георгиевскимъ крестомъ.

Право бабы молодцами
Тамъ у насъ себя вели
И съ мужьями, да съ отцами
Службу равную несли.
Ребятишки навѣщали
У орудій моряковъ
И болтать тамъ начинали
Вмѣсто самыхъ первыхъ словъ:
То есть тятя, али мама
(Словно былъ другой законъ),
Языченкомъ слабымъ прямо:
Бомба, пушка, бастионъ!
Насъ ребята потѣшали;
Страхъ имъ вовсе не знакомъ,
Пирогами торговали
Тамъ, гдѣ смерть была кругомъ.
Разъ я видѣлъ, бомба пала,
Вдругъ бѣжитъ толпа ребятъ,
Съ крикомъ, гикомъ заскакала,
Окруживъ совсѣмъ снарядъ.
Бомба пышетъ, землю роетъ,
А они всѣ: ха! ха! ха!
Я гляжу, и сердце ноетъ,
Ну, далеко-ль до грѣха.

Разорвало... размѣялись
Пуще прежняго и вскачь
По дорогѣ разбѣжались,
Только слышу сзади плачь,
Подхожу,— „что плачешь мальчикъ?“
— „Охъ ужъ очень больно мнѣ,
Зацѣпило, видишь, пальчикъ.“
„Сеньку ранили *онъ!*
„Сеньку ранили ребята!“
Хоромъ весело кричатъ
Принялися пострѣлята;
Жаль, а какъ не поругать.
Нѣтъ, ругать ихъ не годится,
Въ нихъ кровь русская течетъ;
Русскій съ удалю родится
Съ ней живетъ и съ ней умретъ!

Коссинскій.

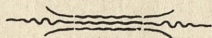

ЗИМА въ 1854 году началась очень рано. Съ наступленіемъ холоднаго времени жизнь и служба защитниковъ Севастополя была настолько тяжела, что Государь Императоръ 6-го Декабря въ ознаменованіе Своей признательности за примѣрное усердіе, храбрость и труды нашихъ войскъ Всемилостивѣйше повелѣтъ соизволилъ: каждый мѣсяцъ службы въ Севастопольскомъ гарнизонѣ считать за годъ, а въ письмѣ къ князю Меншикову писалъ: „Меня счастливитъ геройская стойкость нашихъ несравненныхъ и неустранимыхъ защитниковъ Севастополя. Господь воздастъ имъ за всѣ ихъ труды, доблести и

подвиги. Передай имъ всѣмъ мое благословеніе и мой поклонъ“.

Никакая награда не могла такъ осчастливить людей, какъ осчастливила и согрѣла ихъ отеческая любовь Государя Императора.

— Умремъ всѣ до одинаго! съ мѣста своего не сойдемъ!—говорили матросы и солдаты, готовые каждую минуту умереть и тѣмъ доказать свою любовь къ Царю и Отечеству.

„Предѣла храбрости не зная,
Истоминъ, правды идеаль,
Курганъ Малаховъ защищая,
Примѣръ отваги подавалъ“.

Коссинскій.

Въ январѣ мѣсяцѣ непріятель сталь усиленно рыть свои подступы (канавы) противъ Малахова кургана и рѣшилъ, во что то бы ни стало, отнять его у насъ. Малаховъ курганъ это было самое большое и самое важное для насъ укрѣпленіе.

Начальствованіе надъ этимъ укрѣпленіемъ было поручено храброму адмиралу Истомину.

Владиміръ Ивановичъ Истоминъ пробылъ на Малаховомъ курганѣ неотлучно 5 мѣсяцевъ, переноса всѣ труды и лишения наравнѣ съ солдатами, о которыхъ всегда сердечно заботился. Случалось, что онъ по цѣлымъ недѣлямъ не раздѣвался и всегда былъ на самыхъ опасныхъ мѣстахъ, ободряя всѣхъ своей храбростью.

Но 7-го Марта не стало Истомина!

Въ этотъ день онъ шелъ вдоль укрѣпленія по на-

сыпи, на которую то и дѣло падали непріятельскія ядра.

— Сойдите въ ровъ, генераль! Здѣсь очень опасно!—сказалъ ему одинъ изъ офицеровъ.

— Э, батюшка, все равно, отъ ядра не спрячешься, — отвѣчалъ Истомина, и въ это самое время непріятельская бомба оторвала ему голову.

Долго и горько оплакивали матросы и солдаты своего любимаго начальника.

Похоронили Истомина рядомъ съ Корниловымъ.

Павель Степановичъ Нахимовъ несъ гробъ своего товарища, и крупныя слезы текли по его щекамъ, а когда гробъ опустили въ могилу, гдѣ покоился уже прахъ адмирала Корнилова, Нахимовъ тихо проговорилъ:

— Есть мѣсто еще для одного: лягу хоть въ ногахъ у своихъ товарищей.

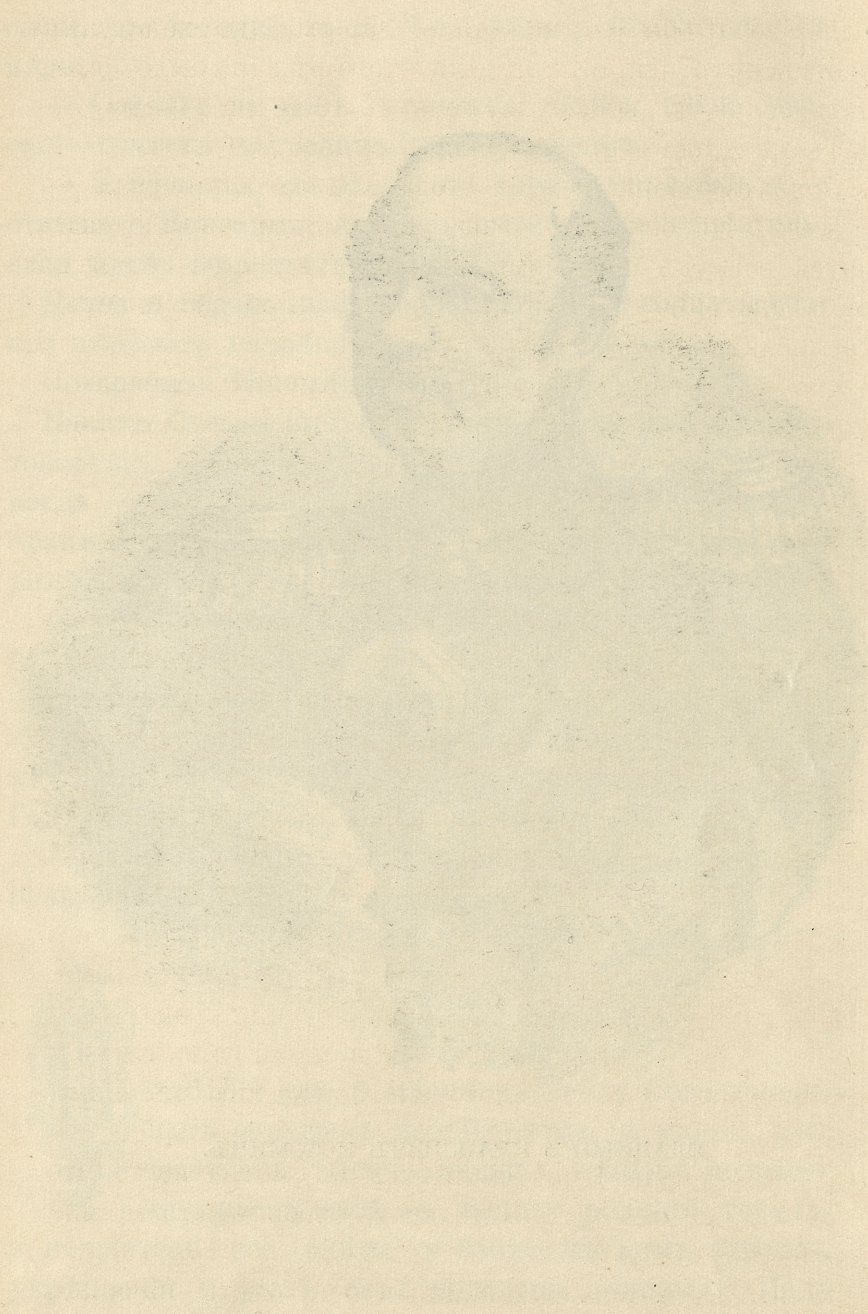
По смерти В. И. Истомина на его мѣсто былъ назначенъ капитанъ 1-го ранга Юрковскій, а на мѣсто заболѣвшаго главнокомандующаго князя Меншикова Государь Императоръ назначилъ князя Михаила Дмитриевича Горчакова, который прибылъ въ Севастополь 8-го Марта.

ПРОШЛО уже 6 мѣсяцевъ, какъ Севастополь былъ окруженъ непріателемъ, и много уже десятковъ тысячъ нашихъ воиновъ положили животъ свой на защиту родного города, а непріятель все ближе и ближе къ намъ строилъ укрѣпленія и рылъ свои подступы (канавы). Надо

ВЛАДИМІРЪ ИВАНОВИЧЪ ИСТОМИНЪ.

было, во чтобы то ни стало, зарыть эти подступы и оттѣснить непріятеля. Для этого рѣшено было сдѣлать большую вылазку въ ночь съ 10-го на 11-е марта подъ начальствомъ генерала Хрулева.

Солдаты очень любили этого храбраго генерала и думали, что онъ заговоренъ отъ смерти: бывало, сыпятыя вокругъ него бомбы, ядра, пули, а онъ сидитъ себѣ спокойно на лошади да еще приговариваетъ: „не всякая бомба убиваетъ“.

Около 10 час. вечера генераль Хрулевъ со своимъ отрядомъ въ 3000 человекъ двинулся къ непріятельскимъ канavamъ.

Ночь была очень темная.

Солдаты шли тихо, чтобы не услыхалъ ихъ непріятель. Вдругъ, какъ изъ земли, выросли французы и бросились на нашихъ, а наши на французовъ, и пошла схватка рукопашная: заработали штыки, приклады, и попятился французъ; а, тѣмъ временемъ, наши рабочіе засыпали канавы, что намъ только и было нужно.

Когда канавы были засыпаны, генераль Хрулевъ приказалъ своимъ молодцамъ отступать назадъ. Только что наши стали отступать, какъ французы ободрились и опять полѣзли на нашихъ, да стали ужъ очень сильно напирать. Вдругъ, въ это самое время, раздалось пѣніе тропаря „Спаси Господи люди Твоя и благослови достояніе Твое“..., и наши солдаты увидѣли монаха Іоникія, который подоспѣлъ къ нимъ изъ города.

Ура-а-а! гаркнули солдаты и, не смотря на то, что было приказано отступать, вновь бросились въ штыки на французовъ.

Опять закипѣлъ рукопашный бой, опять началась

рѣзня не на животь, а на смерть, и много было труда генералу Хрулеву оттащить нашихъ разгулявшихся солдатъ отъ французовъ.

Въ эту ночь изъ трехъ тысячъ человѣкъ у насъ было убито и ранено одна тысяча, а французы потеряли болѣе двухъ тысячъ.

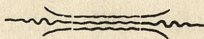
На другой день назначено было перемиріе для уборки убитыхъ. Во время этого перемирія русскіе и французы подходили другъ къ другу и ухитрялись между собой разговаривать.

— Мусье франсе, ты, молодець, дерешься храбро, дай-ка огня трубку закурить,—скажетъ нашъ матросъ.

Французъ и русскій закуриваютъ свои трубки, а потомъ ими мѣняются. Русскій попробуетъ французскій табакъ и скажетъ: „табакъ бонъ (это стало быть хорошъ), да только слабовать маленько“.

А французъ, какъ затынется русской махоркой, начнетъ кашлять и отплевываться

— Что? крѣпокъ небось русскій табакъ! то-то!

Солдатская пѣсня.

(Посвящается С. А. Хрулеву).

Гей, камчатцы удалцы!

Гей, днѣпровцы молодцы!

Собирайтесь — водки кварта—

За десятое пить марта,

За здоровье: будь здоровъ

Нашъ любимецъ, нашъ Хрулевъ!

* * *

Что съ тобою намъ французъ!
Правду молвить, онъ не трусь...
А какъ вздумалъ влѣзть въ траншею,
Такъ его турнули въ шею;
Слово молвилъ нашъ Хрулевъ,
Всѣ мы бросилися въ ровъ!

* * *

Темный путь свѣтилъ монахъ,
Онъ насъ велъ съ крестомъ въ рукахъ,
А Хрулевъ разжегъ отвагу, —
Глядь, французъ кто легъ, кто тягу.
Штыкъ не хватить, камень есть
И кулакъ французу въ честь!

* * *

Слышь, канаву къ намъ вели
Да по ней, какъ въ гробъ, легли!
Разъярились мы отъ боя,
Слышать не хотимъ отбоя,
Кто въ „Викторію“ попалъ,
Въ Балаклаву прочесалъ!..

* * *

Съ той поры вотъ ни гугу,
Знать, согнули ихъ въ дугу,
Знать, Хрулевъ имъ задалъ перцу!
А ужъ намъ-то какъ по сердцу;
Вотъ еще-бъ имъ дать разокъ,
Такъ совсѣмъ пошли-бъ въ утекъ!

* * *

Ну, камчатцы молодцы!
Ну, днѣпровцы удалцы!
За десятое пить марта,
Собирайтесь—водки кварта—
За здоровье: будь здоровъ
Нашъ любимецъ, нашъ Хрулевъ!

Петръ Степановъ.

НАСТУПИЛА Страстная недѣля... Въ великій четвергъ вечеромъ всѣ, кто только былъ свободень, отправились въ церкви. Народу собралось столько, что многимъ пришлось стоять на паперти, а непріятель, пользуясь свѣтомъ отъ горѣвшихъ свѣчей, направлялъ свои выстрѣлы въ храмы Божіи, и колокольный звонъ сливался съ грохотомъ пушекъ и съ громомъ лопающихся бомбъ. Но народъ и войско твердо стояли на молитвѣ. Горячо молились наши защитники... Слушая чтеніе Евангелія о страданіяхъ и смерти Иисуса Христа, имъ становилось легче на душѣ, и они возвращались на свои укрѣпленія съ новыми силами, готовые страдать и умереть за родную землю такъ, какъ пострадалъ и умеръ за людей Господь Богъ нашъ Иисусъ Христосъ.

Въ Страстную субботу въ 6 ч. утра на всѣхъ бастіонахъ была отслужена заутреня, а на Малаховомъ курганѣ за заутреней было совершено въ блиндажѣ отпѣваніе плащаницы. Когда вынесли плащаницу, чтобы обнести ее вокругъ блиндажа, то прогремѣло нѣсколько непріятельскихъ выстрѣловъ, и одно ядро пролетѣло надъ самой плащаницей, не задѣвъ ее!

СТЕПАНЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ХРУЛЕВЪ.

Въ субботу-же, послѣ заутрени, матросы и солдаты начали готовиться къ Свѣтлому празднику: всюду выметали соръ, площадки на укрѣпленіяхъ посыпали пескомъ, у орудій подкрашивали станки, потомъ всё умылись, приодѣлись, и къ вечеру всё бастионы приняли праздничный видъ.

Въ полночь раздался благовѣстъ, и народъ направился въ церкви... Изрѣдка были слышны непріятельскіе выстрѣлы, но наши пушки молчали. Когда окончились заутрени и обѣдня, священники въ полномъ облаченіи съ крестнымъ ходомъ отправились на бастионы служить молебны, благословляли и окропляли святой водой людей и укрѣпленія. Всюду слышались радостные возгласы: Христось Воскресъ! Воистину Воскресъ!“

Павель Степановичъ Нахимовъ объѣхалъ всё укрѣпленія и всёхъ поздравилъ съ Свѣтлымъ праздникомъ; начальники прислали солдатамъ водки; женщины и дѣти, не смотря на опасность, пришли на укрѣпленія христосоваться съ своими родными и нанесли имъ пасохъ, куличей и красныхъ яицъ. Въ этотъ великій христіанскій праздникъ у всёхъ повеселѣли лица. Днемъ слышались пѣсни и музыка, не обошлось дѣло и безъ пляски.

Въ первый день праздника французы и англичане почти совсѣмъ не стрѣляли: у нихъ въ этотъ день тоже былъ праздникъ Пасхи, но они посадили въ свои укрѣпленія турокъ и заставили ихъ стрѣлять вмѣсто себя. Хотя турецкая стрѣльба была и зряшная, но все таки у насъ не обошлось безъ убитыхъ. Съ нашей-же стороны въ этотъ день не было сдѣлано ни одного выстрѣла.

На второй день праздника непріятель началъ стрѣ-

лять съ самага разсвѣта и стрѣляль, не переставая, 10 дней.

Опять загремѣли тысячи пушекъ... Застональ воздухъ и затряслась земля. Опять понесли раненыхъ, и опять десятки покойниковъ лежатъ въ мертвецкихъ уголкахъ съ восковыми свѣчами въ рукахъ.

Никогда еще непріятель не стрѣляль съ такимъ ожесточеніемъ, какъ въ эти 10 дней. Непріятельскія ядра и бомбы градомъ осыпали городъ и наши укрѣпленія. Тысячи домовъ были разрушены, и весь городъ былъ въ огнѣ.

А что происходило на самыхъ укрѣпленіяхъ, и передать трудно. Тамъ былъ настоящій адъ. Кругомъ стояли лужи крови. Всюду валялись убитые и раненые: кто съ оторванной рукой или ногой, кто съ оторванной головой, кто съ развороченнымъ животомъ... Не только убитыхъ подбирать было некогда, но и раненыхъ-то можно было относить въ городъ только съ наступленіемъ сумерокъ, когда стрѣльба нѣсколько стихала, а до сумерокъ наши раненые страдальцы лежали въ землянкахъ и терпѣливо ждали себѣ помощи. Нѣкоторые изъ нихъ находили въ себѣ еще силы ободрять товарищей.

— Держитесь, братцы!—вдругъ, слышишь, говоритъ умирающимъ голосомъ молодой офицеръ, плавая въ крови съ оторванной рукой.

Съ наступленіемъ сумерокъ, носильщики, вплоть до самага разсвѣта, относили раненыхъ въ лазареты, гдѣ за неимѣніемъ мѣсть укладывали ихъ прямо на полъ, одинъ подлѣ другого.

За эти 10 дней у насъ было убитыхъ и раненыхъ 6335 человекъ. Доктора и сестры милосердія, не давая себѣ отдыха ни днемъ, ни ночью, ухаживали за

ранеными и свято исполняли свои обязанности, какъ надлежитъ истинно русскому человѣку.

Впродолженіи всѣхъ этихъ ужасныхъ дней непріатель нѣсколько разъ пытался взять штурмомъ наши укрѣпленія, но каждый разъ бывалъ опрокинутъ рускимъ штыкомъ.

Съ 7-го Апрѣля по 26-ое Мая непріатель сталъ стрѣлять много слабѣе а, все больше, какъ кротъ, рыль свои подступы (канавы) и, несмотря на то, что наши охотники каждую ночь врасплохъ нападали на работавшихъ, работы ихъ хотя медленно, но все-таки подвигались впередъ, и за 8 мѣсяцевъ непріатель успѣлъ окружить насъ своими укрѣпленіями, какъ полукольцомъ, и былъ уже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ очень близко отъ насъ.

Нашимъ защитникамъ оставалось только ждать, когда непріатель на нихъ бросится, и быть всегда наготовѣ встрѣтить врага штыкомъ. Съ каждымъ днемъ служба на бастіонахъ становилась все тяжелѣе и тяжелѣе, но наши матросы и солдаты не только никогда не унывали, но находили еще время и забавляться:

— А что, братцы, давайте змѣй запустимъ, пусть французъ въ него стрѣляетъ! — предложить матросъ своимъ товарищамъ.

— Что-жъ запустимъ! къ тому-же по вѣтру! — отвѣтить другой.

И вотъ запусать, бывало, огромный змѣй съ трещеткой и длиннымъ хвостомъ, а французы примутся въ него стрѣлять.

Приѣхаль, какъ-то разъ, на бастіонъ Павелъ Степановичъ Нахимовъ и видитъ, что матросы что-то приуныли.

— Что, братцы, не веселы? — спрашиваетъ онъ.

— Горе у нихъ, Ваше Превосходительство,—отвѣчаетъ пѣхотинецъ.

— Горе? какое-съ горе?

— Французъ змѣя у нихъ взялъ въ плѣнъ.

— А!.. не хорошо-съ, не хорошо-съ! Какъ-же это вы, братцы, допустили? — обращается Нахимовъ къ матросамъ.

— Бичеву, Павелъ Степановичъ, перешибъ французъ пулей,—отвѣтили матросы.

— Жаль-съ, жаль-съ... Ну, вотъ на вылазку пойдёмъ, можетъ, и выручимъ его!

— Выручимъ, Павелъ Степановичъ, какъ есть, выручимъ!

А то взяли разъ солдаты деревянную лопату, нарисовали на ней грязью носъ, глаза, усы, надѣли на нее фуражку и выставили изъ-за насыпи, чтобъ французовъ подразнить, а тѣ, думая, что высунулся человекъ, принялись въ нее стрѣлять.

Такъ забавлялись въ свободное время наши богатыри севастопольскіе, всегда готовые постоять и умереть другъ за друга.

Упала разъ бомба вблизи солдатъ. Нѣкоторые изъ нихъ бросились въ сторону, другіе прилегли на землю, а кто и остался на своемъ мѣстѣ, спокойно ожидая смерти. Бомба вертится... Фитиль въ ней догадается... Вотъ, вотъ сейчасъ она разорвется...

Видя это, матросъ Трофимъ Александровъ быстро подбѣжалъ къ бомбѣ.

— Бережись, бережись! курится, курится! — крикнули ему солдаты.

Но Александровъ залѣпилъ фитиль грязью и онъ погасъ, потомъ толкнулъ бомбу ногой и сказалъ то-

варищамъ:— Эхъ вы! солдатами еще зоветесь, а курицы боитесь!

Однажды шелъ князь Урусовъ, съ нимъ было двое рядовыхъ, Григорій Ткаченко и Семень Копальскій. Летитъ бомба... все ближе, ближе... и падаетъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ генерала. Вмигъ наши молодцы заслонили собой своего начальника, и въ это самое время бомба разорвалась, ранивъ слегка одного изъ нихъ, а генераль остался цѣль и невредимъ.

Послѣ одного неудачнаго для насъ сраженія, князь Горчаковъ ѣхалъ съ офицерами и замѣтилъ вдали одного солдата, который перестрѣливался съ неприятелемъ. Князь послалъ друхъ казаковъ привести смѣльчака.

— Зачѣмъ ты отсталъ такъ далеко отъ полка? — строго спросилъ главнокомандующій.

— Прикрывалъ отступленіе раненыхъ товарищей, Ваше Сіятельство! отвѣчалъ рядовой Бородинскаго полка Матвѣй Шелкуновъ.

Когда же князь Горчаковъ приказалъ ему объяснить, какъ было дѣло, то Шелкуновъ разсказалъ такъ:

„Быль я въ цѣпи, наши наступали; перешли рѣку по поясъ, а за ней широкая канава; за этой канавой засѣли французы и встрѣчаютъ насъ пулями. Спустились мы въ канаву, а потомъ, собравшись въ кучку, крикнули „ура“! турнули ихъ, да наткнулись на ихнюю кухню—они, знать, кашу варили. Опрокинули мы кашу да въ догонку за ними. Вдругъ сигналъ „отступленіе“, мы—назадъ, за канаву, а они за нами. Попалось мнѣ мѣсто хорошее—я засѣлъ за кустикъ, пропускаю своихъ, а чуть покажется французъ—выпалишь, онъ и свернется... Отличное ружье,

Ваше Сіятельство! Такимъ сортомъ разстрѣлялъ я патроны—плохо! Пошелъ за своими, а по пути лежить солдатъ. Вижу убитъ; подобралъ я ружье его, снялъ суму, а тамъ патроны. Вотъ, хорошо, впереди опять кусты; я изъ-за нихъ дамъ выстрѣловъ пятокъ да за своими бѣгомъ. Смотрю, трое раненыхъ нашихъ валяются; ну, говорю, братцы, ползи, кто можетъ, а я буду прикрывать васъ! Двое говорятъ: „ладно!“—поползли, а третій говоритъ: „ты мнѣ пособи, у меня рана, значить, животная!“. Пособляю и тронулись впередъ. Ну, какъ замѣчу, что ползуны мои отстають, и я останавлиюсь, дамъ выстрѣлъ—другой да опять впередъ! И вотъ, Богъ милосердъ, Ваше Сіятельство: всѣ добрались въ исправности“.

И много, много было подобныхъ случаевъ взаимной выручки, удивительной храбрости и находчивости русскаго солдата. **И все это дѣлалось не ради того, чтобы получить награду, а дѣлалось во имя любви къ своимъ товарищамъ, дѣлалось просто по совѣсти, какъ надлежитъ русскому человѣку.**

А разсвѣтъ 6-го Іюня наши пластуны дали знать, что непріятель собирается идти на насъ штурмомъ (въ штыки).

Только что успѣли наши войска приготовить-ся, какъ французы, англичане и тѣрки бросились на всѣ наши укрѣпленія, которыми былъ окруженъ Севастополь.

Повсюду закипѣлъ рукопашный бой, дрались шты-

ками, прикладами, банниками, а ополченцы наши работали топорами.

Генераль Хрулевъ поскакаль на Малаховъ курганъ. Въ это время французы и англичане раздѣлились на двѣ партіи: одна партія бросилась на Малаховъ курганъ, а другая на укрѣпленіе, подъ названіемъ „Жерве“.

На Малаховомъ-то курганѣ наши молодцы опрокинули непріятеля и обратили его въ бѣгство, а на укрѣпленіи „Жерве“ у насъ всего на всего было только 300 человекъ Полтавскаго полка и, какъ они ни бились, но все-таки не могли одолѣть противника и начали отступать.

Въ это самое время прискакаль съ Малахова кургана генераль Хрулевъ и, увидѣвъ, что Полтавцы отступаютъ, крикнуль своимъ мощнымъ голосомъ:

— Полтавцы, стой! дивизія къ вамъ идетъ на помощь!—и, замѣтивъ вдали около 80 солдатъ, возвращавшихся въ городъ съ ночныхъ работъ, подскакаль къ нимъ.

— Благодарители! помогите! за мной! — крикнуль Хрулевъ.

Услышавъ голосъ любимаго генерала, солдаты бросились за Хрулевымъ.

— Дивизія пришла! — крикнуль генераль, подскакавъ къ Полтавцамъ, которые все еще медленно отступали подъ напоромъ непріятеля.

— Навались дружиѣ, ребята! — подхватили солдаты;—дивизія пришла!

А пришла всего только одна 5-я рота Сѣвскаго полка со своимъ ротнымъ командиромъ штабсъ-капитаномъ Островскимъ.

— Бей и ложись! — гаркнулъ Островскій: — впередъ, ребята!

И заработалъ молодецкій русскій штыкъ и его братъ прикладъ крѣпкій... Началась расправа Россійская... Французы и англичане были опрокинуты и обращены въ бѣгство.

Изъ 80-ти человѣкъ 5-й роты Сѣвскаго полка осталось въ живыхъ всего только 33 человѣка, которые на другой день отнесли на ружьяхъ тѣло своего ротнаго командира на братскую могилу.

Въ этотъ день (6-го іюня) непріятель былъ опрокинутъ со всѣхъ нашихъ укрѣпленій и потерялъ болѣе 10.000 человѣкъ убитыми и ранеными, а у насъ изъ строя выбыло 5.500 человѣкъ.

Послѣ неудачнаго штурма непріятель нѣсколько затихъ и опять принялся за свою земляную работу. Съ каждой недѣлей его укрѣпленія становились все ближе къ намъ и все тѣснѣе и тѣснѣе охватывали наши укрѣпленія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ непріятель былъ уже отъ насъ всего только въ 200-хъ шагахъ.

Чѣмъ ближе подвигались къ намъ непріятельскія укрѣпленія, тѣмъ жизнь на бастіонахъ становилась все тяжелѣе и тяжелѣе, но наши богатыри-защитники, по завѣщанію своего незабвеннаго Корнилова, давно уже рѣшили умереть всѣ до одинаго, прежде нежели сдать Севастополь, а потому они и не думали уже о другой болѣе лучшей жизни.

Придетъ, бывало, на бастіонъ новый человѣкъ, матросъ ему скажетъ:

— Здѣсь нельзя ходить—мѣсто опасное!

— А какъ - же ты здѣсь сидишь?—спроситъ его вновь пришедшій.

— Я - то здѣшній! — отвѣтитъ матросъ, давно

свыкшейся со всѣми опасностями и позабывшей даже думать объ отдыхѣ.

Быль разъ случай, что офицеръ, выбившись изъ силъ, попросился было у Нахимова сходить въ городъ отдохнуть. На эту просьбу Павелъ Степановичъ замѣтилъ офицеру спокойнымъ голосомъ:

— Какъ - съ, вы хотите уйти съ своего поста, вы должны здѣсь умереть, вы часовой-съ, вамъ смѣны нѣтъ-съ и не будетъ; мы всѣ здѣсь умремъ; помните, что вы русскій морякъ и что вы защищаете родной вашъ городъ-съ; мы непріятелю отдадимъ здѣсь одни наши - съ трупы и развалины; я уже выбралъ себѣ могилу-съ; моя могила уже готова-съ; я лягу подлѣ начальника моего-съ Михаила Петровича Лазарева; Корниловъ и Истоминъ уже тамъ лежать-съ; они исполнили свой долгъ, и намъ его надо исполнить!.

Такъ говорилъ Павелъ Степановичъ Нахимовъ, любимецъ солдатъ, матросовъ и народа.

Но скоро и его не стало!

28-го Юня, наканунѣ дня своего ангела, Павелъ Степановичъ пріѣхалъ на 3-й бастионъ и, усѣвшись на скамейку, сталъ разговаривать съ офицерами. Вдругъ раздался голосъ сигнальщика:—берегись! бомба наша!

Кто бросился въ блиндажъ, кто прилежъ на землю, а Нахимовъ продолжалъ сидѣть на скамейкѣ. Бомба шлепнулась и разорвалась на мелкіе куски, но Павелъ Степановичъ остался цѣль и невредимъ.

Когда опасность миновала, и къ нему опять подошли офицеры, Нахимовъ продолжалъ вести свой разговоръ... Покончивъ свои дѣла, Павелъ Степановичъ поѣхалъ на своей сѣренькой лошаdkѣ къ Малахову кургану. Матросы посылали ему вслѣдъ крестное зна-

мене и молились, чтобы Господь оградил его от опасности.

Приѣхавъ на Малаховъ курганъ, Нахимовъ всталъ на самое опасное мѣсто, чтобы лучше разсмотрѣть, что дѣлается у непріятели. Въ это время у насъ на курганѣ въ укрытомъ мѣстѣ шла всеобщая передъ образомъ св. Петра и Павла.

Чтобы отозвать Нахимова съ опаснаго мѣста, одинъ офицеръ сказалъ ему:

— Передъ образомъ идетъ всеобщая, не угодно ли будетъ вамъ помолиться?

— Я приду послѣ, а васъ не держу-сь,—отвѣчалъ Нахимовъ и остался на своемъ мѣстѣ.

Въ это самое время непріятельская пуля просвистѣла мимо его уха.

— Мѣтко стрѣляютъ каналы!—сказалъ Павелъ Степановичъ, и въ ту же самую минуту другая пуля впила въ лѣвый високъ...

Двое сутокъ промучился Павелъ Степановичъ и, не приходя въ себя, скончался...

Вѣсть о смерти адмирала Нахимова быстро разнеслась среди солдатъ и по всему городу.

— Не стало нашего батюшки Павла Степановича! Умеръ нашъ добрый Нахименко! *)—говорили солдаты, матросы и ихъ семейства,—царствіе ему небесное! не командиръ, а отецъ былъ родной!

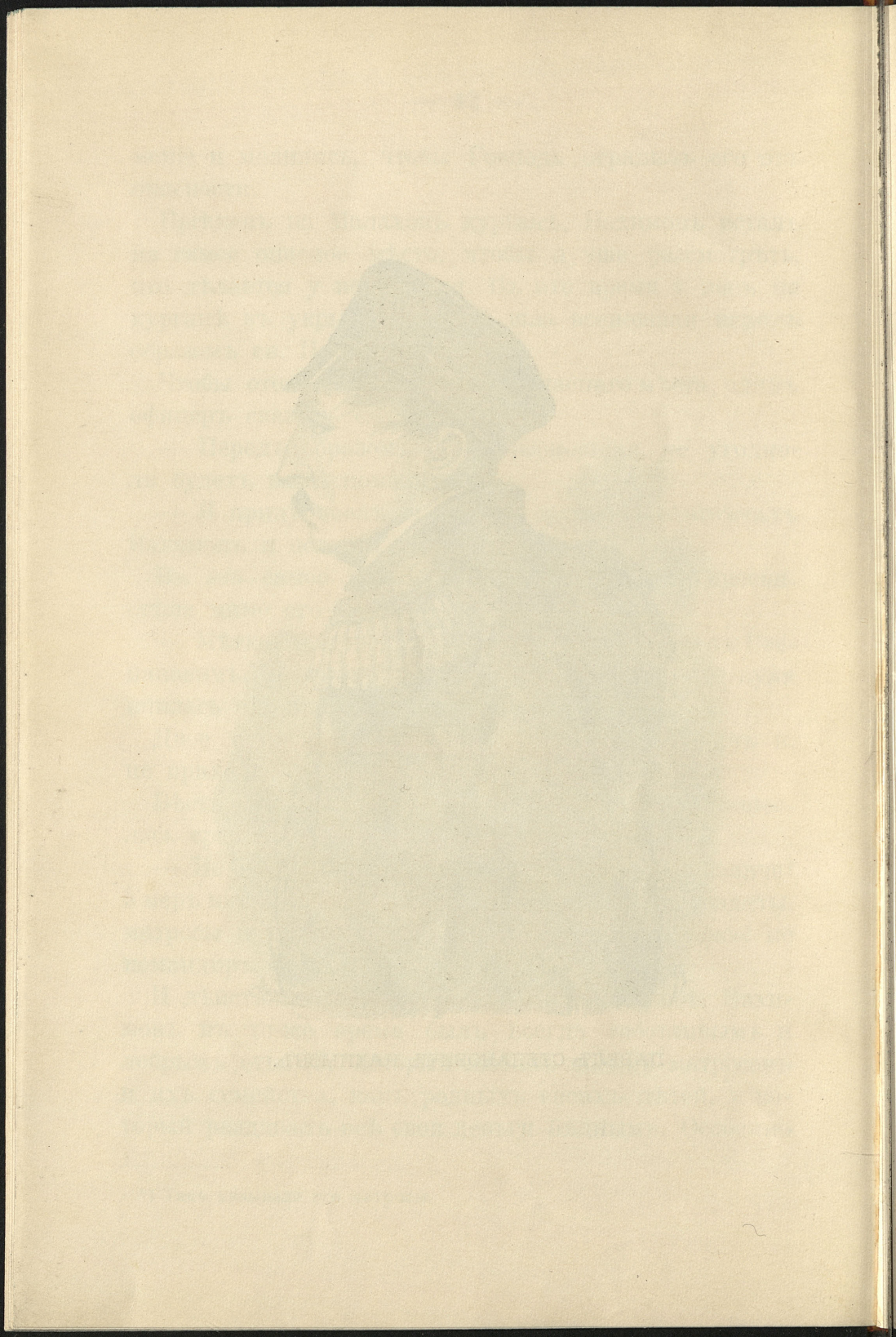
И дѣйствительно, всегда строгій на службѣ, Нахимовъ въ то-же время былъ всегда заботливымъ и добрымъ отцомъ, который любилъ своихъ матросовъ и ихъ семейства, какъ родныхъ своихъ дѣтей, и который раздавалъ всѣ свои деньги бѣднымъ. Особенно

---

*) Такъ называли его матросы.

ПАВЕЛЪ СТЕПАНОВИЧЪ НАХИМОВЪ.

заботился онъ о больныхъ и раненыхъ, любилъ ихъ навѣщать и посылать имъ подарки: кому чай и сахаръ, кому табакъ.

Павель Степановичъ былъ простъ, привѣтливъ и всегда спокоенъ; онъ былъ спокоенъ и въ самый разгаръ боя, когда ядра и бомбы лопались вокругъ него.

Онъ и смерть-то ждалъ спокойно!

Онъ былъ воистину христолюбивый воинъ, любившій родину и ближняго больше самого себя!

Вотъ почему солдаты, матросы, ихъ семейства и всѣ жители Севастопольскіе горько оплакивали незамянимаго П. С. Нахимова и спѣшили поклониться его праху.

Тѣло адмирала Нахимова было положено на столъ въ его городской квартирѣ и покрыто флагомъ съ корабля „Императрица Марія“. **)

Съ ранняго утра и до поздняго вечера народъ спѣшилъ проститься съ тѣмъ, кто вѣчно будетъ жить въ памяти русскихъ людей и будетъ вѣчно служить имъ живымъ примѣромъ, каковъ долженъ быть русскій солдатъ.

Миръ праху твоему, великій герой Севастополя, славный сынъ Россіи!

1-го Юля въ соборѣ св. Михаила было совершено отпѣваніе. Вокругъ гроба толпились адмиралы, генералы, офицеры, солдаты, женщины и дѣти; нѣкоторые изъ нихъ плакали, а другіе горячо молились. Не только въ соборѣ было тѣсно, но тѣсно было и на площади, гдѣ народъ густой толпой ожидалъ вы-

---

**) Адмиралъ Нахимовъ былъ на этомъ кораблѣ во время морского сраженія съ турками въ 1853 году при городѣ Синопѣ и съ 7 кораблями уничтожилъ громадный турецкій флотъ.

носа гроба, чтобы хотя издали поклониться праху незабвеннаго Павла Степановича.

Адмираль Нахимовъ похороненъ во Владимірскомъ соборѣ рядомъ съ Корниловымъ и Истоминымъ. Тутъ же возлѣ нихъ покоится прахъ знаменитаго русскаго моряка Михаила Петровича Лазарева, который былъ учителемъ Корнилова, Нахимова и Истомина.

ВЕСЬ Іюль мѣсяцъ непріятель разрушалъ наши укрѣпленія и подступалъ къ намъ все ближе и ближе. Выстрѣлы его становились все мѣтче и ужаснѣе и не только снаряды, но даже пули его долетали до самыхъ отдаленныхъ мѣстъ. Въ городѣ не оставалось уже ни одного уголка, гдѣ можно было-бы укрыться. Смерть носилась всюду. Никакія вылазки не могли уже остановить подступы сильнѣйшаго противника.

Съ 28-го Іюня по 4-е Августа мы потеряли убитыми и ранеными 9097 человекъ, а непріятель—5044 человекъ.

Въ концѣ Іюля мѣсяца на военномъ совѣтѣ было рѣшено сдѣлать 4-го Августа нападеніе на непріятеля, чтобы разбить его штыкомъ, но и это нападеніе вслѣдствіе ошибокъ и малочисленности нашихъ войскъ, было для насъ неудачно и мы, потерявъ болѣе 8000 человекъ, должны были отступить.

Къ довершенію нашего тяжелаго положенія у насъ оказался недостатокъ въ порохѣ и снарядахъ, между тѣмъ, какъ къ непріятелю подходили свѣжія силы и

было привезено изъ Англїи болѣе 800 новыхъ мортиръ (пушекъ).

Главнoкомандующій князь Горчаковъ видѣлъ, что уже нельзя спасти Севастополь, и втайнѣ рѣшилъ оставить городъ; къ тому-же онъ получилъ отъ Государя Императора письмо, въ которомъ Царь писалъ, что съ потерей Севастополя не потеряна еще честь и слава Россіи, такъ же, какъ въ 1812 году съ отдачею Москвы французамъ не погибла Россія. А потому князь Горчаковъ приказалъ еще въ концѣ Іюля строить мостъ черезъ морской заливъ (сѣверная бухта), для переправы войска на другую сторону.

Кромѣ князя, никто больше и не помышлялъ объ оставленіи Севастополя, наоборотъ, всѣ думали, что мостъ этотъ строится только лишь для болѣе скорой и удобной перевозки боевыхъ припасовъ. Всѣ до единого готовы были скорѣй умереть, чѣмъ оставить городъ.

Съ разсвѣтомъ 5-го Августа непріятель опять открылъ огонь изъ всѣхъ своихъ орудій и 4 дня непрерывно громилъ наши укрѣпленія. За эти дни имъ было выпущено 56000 снарядовъ, мы-же за это время могли выпустить только 29500 снарядовъ.

Почти всѣ наши укрѣпленія были совсѣмъ разрушены и поправлять ихъ не было ни какой возможности, такъ какъ земля отъ непріятельскихъ выстрѣловъ и сильной засухи разрыхлилась на столько, что обрattилась почти въ пыль.

8-го Августа, во время самой жаркой перестрѣлки, князь Горчаковъ обходилъ всѣ укрѣпленія и именемъ Государя сердечно благодарилъ всѣхъ, отъ генерала до матроса и солдата, за ихъ вѣрную службу отечеству. Войска пришли въ восторгъ при видѣ своего

главнокомандующаго, пріѣхавшаго на укрѣпленіе раздѣлить опасность наравнѣ со всѣми.

15-го августа мостъ хотя былъ совершенно готовъ и освященъ, но князь Горчаковъ, будучи воистину русскимъ воиномъ, медлилъ и не рѣшался покинуть Севастополь: онъ видѣлъ, какъ твердо готовы всѣ отстаивать родной городъ, и окончательно рѣшили бороться съ противникомъ до послѣдней крайности. 20 августа непріятель былъ уже отъ Малахова Кургана всего только въ 60 шагахъ, а отъ 2-го бастіона въ 80 шагахъ.

Наступали послѣдніе дни безпримѣрной одиннадцатимѣсячной обороны Севастополя. 24-го августа съ 5 ч. утра раздалась страшная доселѣ неслышанная канонада (стрѣльба). Болѣе 1000 непріятельскихъ орудій гремѣли въ продолженіе 3¹/₂ сутокъ. Севастополь былъ весь объятъ пламенемъ, и громадное густое облако дыма три дня висѣло надъ городомъ. Солнца не было видно, и днемъ было темно, а ночью зарево пожаровъ и свѣтъ отъ лопающихся снарядовъ освѣщали городъ и его окрестности. Отъ грохота пушекъ земля содрогалась на нѣсколько верстъ, какъ отъ землетрясенія, а ядра, бомбы и пули рыли и разбрасывали землю и камни по всѣмъ направленіямъ. Повсюду—смерть, повсюду мольбы и стоны... Севастополь омывался кровью! Но люди, уцѣлѣвшіе отъ истребленія, не смотря на весь этотъ смертный ураганъ, оставались непоколебимы среди груды убитыхъ и раненыхъ товарищей.

На разсвѣтъ 27 августа наши пластуны донесли, что непріятель собирается въ большихъ силахъ и готовится броситься на всѣ наши укрѣпленія.

Въ 10 ч. утра того же дня непріятель на короткое

время ослабилъ огонь своихъ пушекъ; въ 11 часовъ опять усилилъ, а въ 12 часовъ 10000 французовъ, вмигъ перебѣжавъ раздѣлявшее насъ пространство въ 60 шаговъ, какъ буря, бросились на Малаховъ курганъ, на которомъ мы имѣли всего только около 4000 человекъ. Отчаянный рукопашный бой завязался внутри укрѣпленія... Каждую минуту къ французамъ подбѣгали все свѣжія силы, и въ короткое время ихъ стало втрое больше нашихъ.

Непріятельское знамя развѣвалось уже на Малаховомъ курганѣ. Увидѣвъ это, поручикъ Цуриковъ съ нѣсколькими солдатами бросился на знамя, вырвалъ его, но тутъ же былъ убитъ. Черезъ полчаса подъ напоромъ втрое сильнѣйшаго противника наши солдаты, потерявъ почти всѣхъ своихъ начальниковъ, стали подаваться назадъ. Замѣтивъ это, капитанъ-лейтенантъ Карповъ собралъ вокругъ себя нѣсколько десятковъ матросовъ и ратниковъ Курскаго ополченія, бросился, было, впередъ отбивать родное укрѣпленіе, но всѣ его люди и самъ онъ пали геройской смертью.

Въ 12^{1/2} часовъ дня французы заняли почти половину Малахова Кургана; но 30 нашихъ храбрыхъ солдатъ Модлинскаго полка съ тремя офицерами: поручикомъ Юніемъ, подпоручиками Данильченко и Богдзевичъ засѣли въ башнѣ и, заваливъ входъ въ нее, продолжали острѣливаться отъ непріятеля, но когда увидѣли, что французы выставили впереди себя нашихъ же плѣнныхъ, то изъ боязни перестрѣлять своихъ, они сдались и сами въ плѣнъ,

Генераль Хрулевъ, какъ только узналъ, что Малаховъ Курганъ взятъ французами, то послалъ туда генарала Лысенко съ тремя полками 9-й дивизіи, а

черезъ нѣсколько минутъ прискакалъ туда самъ и лично повелъ Ладожскій полкъ въ штыки на французовъ. Быстро двигались наши солдаты за своимъ любимымъ генераломъ; до непріятеля осталось добѣжать какихъ нибудь 30 шаговъ, какъ вдругъ Хрулевъ, раненый и изнемогающій отъ боли, принужденъ былъ оставить мѣсто кровавой битвы. Замѣтивъ это наши солдаты приуныли, было, на минуту, но, увидя впереди себя генерала Лысенко, вновь бросились на непріятеля, но и этотъ храбрый генераль, смертельно раненый, упалъ на землю. Его мѣсто занялъ генераль Юферовъ, который съ крикомъ „ура“ кинулся съ солдатами въ штыки на французовъ. Завязался опять рукопашный бой... Окруженный французами генераль Юферовъ на предложеніе сдаться въ плѣнъ отвѣчалъ ударами сабли и палъ въ бою, какъ честный воинъ. На его мѣсто сталъ капитанъ-лейтенантъ Ильинскій, но всѣ усилія нашихъ храбрыхъ были напрасны: французы окончательно отѣснили остатки нашихъ войскъ и завладѣли Малаховымъ курганомъ.

Такъ было дѣло на Малаховомъ курганѣ, на всѣхъ же остальныхъ укрѣпленіяхъ наши войска опрокинули противника и одержали полную побѣду; но съ потерей самаго важнаго укрѣпленія намъ нельзя уже было долѣе держаться въ Севастополѣ, а потому князь Горчаковъ приказалъ всѣмъ войскамъ съ наступленіемъ сумерокъ начать переправу черезъ мостъ на другую сторону, а генералу Шепелеву поручилъ удерживать французовъ на Малаховомъ курганѣ отъ дальнѣйшаго наступленія.

Около 4-хъ часовъ дня главнокомандующій самъ подѣхалъ къ подножью Малахова кургана и долгое

время стоялъ подъ градомъ пуль и высматривалъ расположеніе непріятели. Казалось, храбрый и честный князь самъ искалъ смерти тамъ, гдѣ легло столько славныхъ русскихъ начальниковъ и гдѣ русская кровь лилась потокомъ въ продолженіе 11 мѣсяцевъ. Казалось, что ему легче было умереть, неужели оставить Севастополь, но пути Господни неисповѣдимы, и онъ покорился волѣ Божіей.

За ночь всѣ наши войска въ полномъ порядкѣ перешли на сѣверную сторону; къ разсвѣту мостъ былъ разведенъ, а всѣ батареи, пороховые погреба и все, что только еще уцѣлѣло въ Севастополѣ, было взорвано нами на воздухъ. Отъ города и укрѣпленій остались однѣ только груды развалинъ и пепла.

Такъ палъ Севастополь, но не упалъ духомъ русскій солдатъ, готовый продолжать борьбу и идти на смертный бой.

На другой день князь Горчаковъ отдалъ слѣдующій приказъ по войскамъ:

— Храбрые товарищи! Грустно и тяжело оставить врагамъ нашимъ Севастополь, но вспомните, какую жертву мы принесли на алтарь Отечества въ 1812 г. Москва стоитъ Севастополя! Мы ее оставили послѣ безсмертной битвы подъ Бородинымъ. Триста-сорока-девяти - дневная оборона Севастополя превосходитъ Бородино.

Но не Москва, а груда камней и пепла досталась непріятелю въ 1812 году. Такъ точно и не Севастополь оставили мы нашимъ врагамъ, а однѣ пылающія развалины города, собственною нашею рукою зажженного, удержавъ за нами честь обороны, которую дѣти и внучата наши съ гордостью передадутъ отдаленному потомству.

Севастополь приковывалъ насъ къ своимъ стѣнамъ. Съ паденіемъ его пріобрѣтается подвижность, и начинается новая война — война полевая, свойственная духу русскаго солдата. Покажемъ Государю, покажемъ Россіи, что духъ этотъ все тотъ же, коимъ отличались предшественники наши въ незабвенную Отечественную войну. Гдѣ бы непріятель ни показался, мы встрѣтимъ его грудью и будемъ отстаивать родную землю, какъ мы защищали ее въ 1812 году...

Послѣ занятія непріателемъ развалинъ Севастополя военныя дѣйствія въ Крыму не имѣли важныхъ послѣдствій, на всѣхъ-же остальныхъ окраинахъ Русскаго Царства и особенно на Кавказѣ непріятель потерпѣлъ полное пораженіе, что заставило его быть болѣе сговорчивымъ при заключеніи мира, который и былъ подписанъ 18-го марта 1856 года.

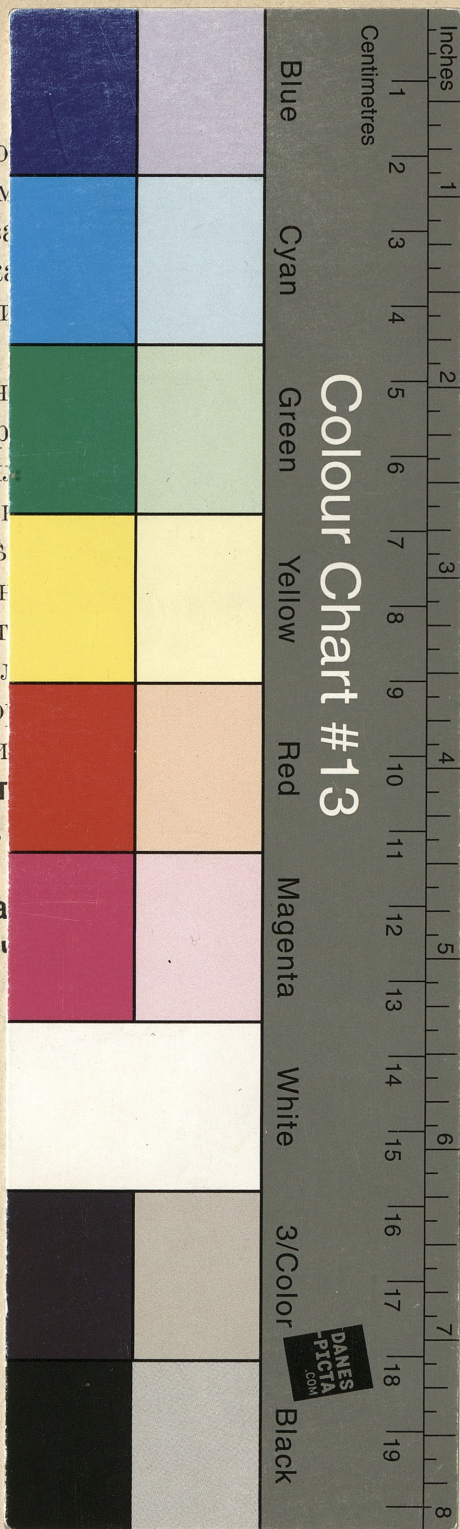
50 лѣтъ прошло со дня начала богатырской обороны Севастополя, но память о незабвенныхъ защитникахъ его живетъ и вѣчно жить будетъ въ сердцахъ русскаго народа, всегда готоваго жить и умереть за Вѣру, Царя и Отечество.

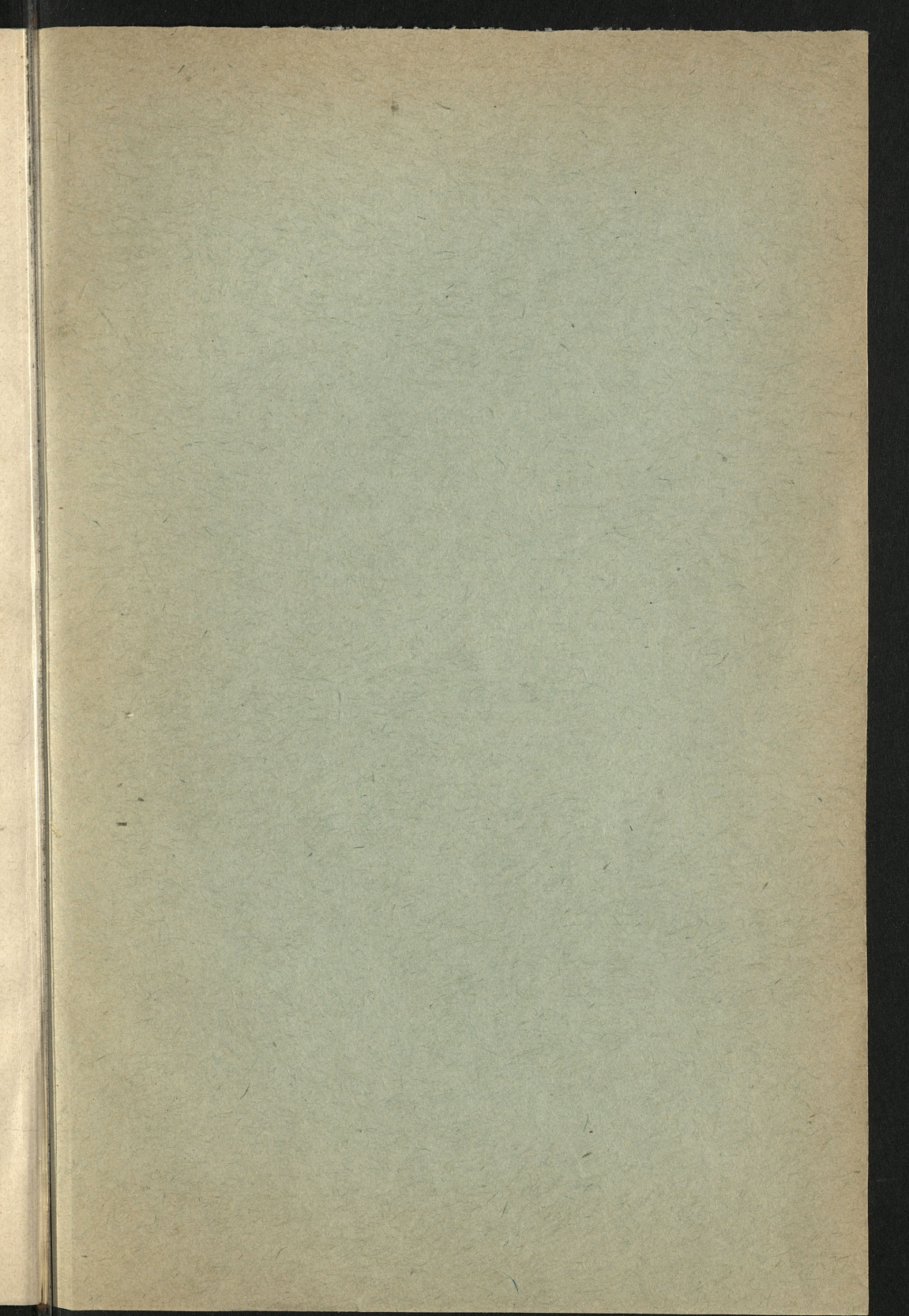
Севастопо
 Съ паденіем
 нается нова
 духу русска
 жемъ Россіи
 отличались
 Отечественн
 ся, мы встр
 родную земл

Послѣ за
 военныя дѣ
 слѣдствій, н
 скаго Царст
 терпѣль по
 болѣе сгово
 были подпи

50 лѣтъ г
Севастополя,
его живеть
скаго народа
Царя и Отеч

мъ стѣнамъ.
 ость, и начи
 свойственная
 дарю, пока
 же, коимъ
 незабвенную
 ни показал
 ъ отстаивать
 1812 году...
 Севастополя
 ажныхъ по
 динахъ Рус
 пріятель по
 о его быть
 а, который и
 кой обороны
 защитникахъ
 ердцахъ рус
 ь за Вѣру,

1500218754

